

RU

«Возвращение богов» и мифопоэтика
как культурная программа романтизма:
рецензия на книгу: Ware O. Return of the Gods.
Oxford: Oxford University Press, 2025

Беляев Д. А.

Аннотация. Рецензируемая монография О. Уэра «Возвращение богов: мифология в романтической философии и литературе» посвящена романтической реабилитации мифа как культурно-философскому проекту преодоления кризиса просвещенческого рационализма. На материале немецкого и английского романтизма автор показывает, как идея «новой мифологии» мыслится в качестве синтеза философии, поэзии и религиозного опыта и как эта установка меняет эпистемологический статус мифа – от «архаики» к продуктивной форме воображения и смыслообразования. Книга представляет интерес для исследователей истории философии, романтизма, культурологии, мифопоэтики и философии религии.

EN

“Return of the Gods” and mythopoetics
as the cultural program of Romanticism:
Ware O. Return of the Gods. Oxford:
Oxford University Press, 2025: Book review

D. A. Belyaev

Abstract. The monograph under review, Owen Ware’s “Return of the Gods: Mythology in Romantic Philosophy and Literature”, is dedicated to the Romantic rehabilitation of myth as a cultural-philosophical project aimed at overcoming the crisis of Enlightenment rationalism. Drawing on German and English Romanticism, the author demonstrates how the idea of a “new mythology” is conceived as a synthesis of philosophy, poetry, and religious experience. Furthermore, the study explores how this orientation transforms the epistemological status of myth – shifting it from a mere “archaic remnant” to a productive form of imagination and meaning-making. The book is of interest to researchers in the history of philosophy, Romantic studies, cultural studies, mythopoetics, and the philosophy of religion.

Оуэн Уэр, доцент кафедры философии Университета Торонто, известен исследованиями немецкого идеализма, романтизма и межкультурных интеллектуальных связей. Его монография «Возвращение богов: мифология в романтической философии и литературе» закономерно продолжает эту исследовательскую траекторию, соединяя историко-философский и литературоведческий подходы для осмысления роли мифа в культуре рубежа XVIII-XIX веков.

Актуальность книги Уэр обосновывает тем, что для романтиков миф был не пережитком прошлого, а способом преодоления ограничений просветительского рационализма. В эпоху разочарования во всемогущий разум мифология понималась как форма сознания, способная восстановить утраченную целостность бытия, примирить чувственное и рациональное, индивидуальное и коллективное, природу и дух (р. 8-10). В этом смысле романтическая реабилитация мифа стала важнейшим этапом европейской интеллектуальной истории и предвосхитила многие последующие концепции культуры. Уэр исходит из того, что романтики обращались к мифу не по причине архаизирующей ностальгии, а потому, что видели в нем особый символический язык, способный выразить то, что уже не укладывалось в нормативные рамки просветительской философии.

Методология исследования отличается междисциплинарностью. Автор сочетает историю философии с анализом литературных текстов, исходя из того, что в романтизме философские идеи и поэтические формы неразделимы. Монография включает введение, пять глав и заключение. Ее композиция строится на пересечении двух смысловых линий – немецкой и английской, – объединенных общим сравнительно-историческим нарративом. Такой подход позволяет Уэру показать не только внутреннее родство, но и различие национальных вариантов романтического мифотворчества. Сравнительная перспектива оказывается здесь не внешним композиционным приемом, а способом реконструкции общего интеллектуального движения эпохи.

В первой главе исследуются истоки романтической мифологии в немецком идеализме конца XVIII века. На материале Шиллера и раннего Гёльдерлина Уэр показывает, как формируется напряжение между «живой полнотой» мира и отвлеченным идеалом, преодолеть которое романтики стремились через миф (р. 27-29). У Шиллера тоска по утраченной цельности античного мира сочетается с убеждением в особой роли эстетического переживания как формы восстановления единства человека и природы. У Гёльдерлина эта проблематика приобретает более трагическое звучание: мотив ухода богов и ожидания их возвращения становится образом духовной незавершенности современности. Автор убедительно показывает, что обращение к мифу было подготовлено самим кризисом позднего Просвещения. Именно разрыв между жизнью и идеалом делает миф одним из центральных понятий романтической культуры (р. 38-41).

Во второй главе рассматриваются йенский романтизм и формирование собственно программы «новой мифологии». Уэр анализирует Шлегеля, Новалиса и раннего Шеллинга, подчеркивая, что миф понимался ими как универсальный язык культуры и необходимое условие нового синтеза поэзии, философии и искусства (р. 47-75). Особенно значим анализ различия между «абсолютной» и «относительной» мифологией у Шлегеля, а также реконструкция того, как романтики переосмыслили античные, христианские и фольклорные образы (р. 63-69). Автор показывает, что раннеромантический проект не сводился к эстетической стилизации прошлого: речь шла о сознательном поиске новых символических форм, способных выразить дух современности. В этом контексте убедительно раскрыта и роль Шеллинга, для которого мифология становится необходимой составляющей искусства и выражением судьбы народа (р. 49-50). Существенно, что Уэр фиксирует не только продуктивный пафос йенского круга романтиков, но и его принципиальную незавершенность: новая мифология мыслится как задача, а не как уже достигнутый культурный результат (р. 57-60).

Третья глава переносит исследование в Англию и посвящена Уильяму Блейку. Уэр показывает, что Блейк независимо от немецких романтиков пришел к идее новой мифологии как формы примирения противоположностей. Анализ «Брака Рая и Ада» и поздних «пророческих книг» позволяет выявить философскую глубину блейковской символики (р. 79-80). Образы Уризена, Орка и других персонажей трактуются как элементы целостной мифологической системы, выражающей фундаментальный романтический принцип единства противоположностей (р. 91-96). Особенно удачен вывод о том, что блейковское мифотворчество направлено не на разрушение духовности, а на открытие более широкой духовной реальности, в которой разум, энергия, телесность и воображение должны быть примирены (р. 95). Тем самым глава убедительно вписывает Блейка в общеевропейский контекст романтического поиска, не стирая при этом его художественной самобытности.

Четвертая глава посвящена Новалису и той форме романтической мифологии, в которой поэтический символ становится проводником к абсолюту. Центральным образом здесь выступает Синий цветок из романа «Генрих фон Офтердинген» – эмблема духовного поиска, соединяющая природу, любовь, познание и бесконечное стремление к целостности (р. 148-150). Уэр показывает, что Новалис не просто создает новый символический образ, но и осмысляет сам процесс рождения мифа из духа поэзии. Не менее важен анализ идеи «романтизации мира», раскрывающейся как программа смыслового преобразования действительности (р. 148). В книге убедительно показано, что у Новалиса проект новой мифологии тесно связан с надеждой на синтез религии, искусства и знания, а также с переосмыслением христианства как последнего великого мифа Европы (р. 154-156). Удачно и то, что Уэр соотносит поэтику Новалиса с более широким мифографическим интересом немецкого романтизма – к фольклору, мистике и символическим формам народной культуры (р. 157).

Пятая глава посвящена позднему романтизму, прежде всего Перси Биши Шелли и С. Т. Колриджу. Наиболее подробно анализируется «Освобожденный Прометей», где древний миф радикально преобразуется в утопическую драму освобождения. Уэр интерпретирует фигуру Демогоргона как символ бесформенной истины, лежащей по ту сторону любых завершенных образов (р. 179-183). Тем самым романтическая мифология у Шелли переходит от персонифицированных богов к более абстрактным философским формам. Особенно показательна в этом отношении и связанная с «Защитой поэзии» Шелли мысль о воображении как созидающем принципе, благодаря которому новый мир «восстает из пепла ушедшего» (р. 178). Сопоставление Шелли с Колриджем позволяет показать внутреннее напряжение английского романтизма между стремлением к новой мифологии и сохранением христианского символического горизонта. В результате Уэр демонстрирует, как романтическое мифотворчество постепенно выходит за пределы собственно литературной образности и становится способом философского освоения исторической реальности; при этом ценность проекта Шелли исследователь усматривает именно в его открытости и принципиальной незавершенности (р. 187-189).

В заключении автор вновь обращается к центральной метафоре «возвращения богов» и подчеркивает, что романтики вовсе не стремились к буквальной реставрации древнего язычества или средневековой религиозности. Речь шла о возрождении самой способности человека творить мифы, т. е. создавать символические формы, в которых внутренние и внешние силы мира вновь обретают смысловую целостность. Уэр особенно настаивает на проектном, а не эскапистском характере романтической мифологии: романтики пытались

не уйти от современности, а преобразить ее, восстановив единство философии и поэзии, интеллекта и воображения (р. 201). Благодаря этому заключение возвращает читателя к ключевому тезису книги: миф в романтизме представляет собой форму культурного будущего, а не просто память о сакральном прошлом. Неслучайно автор связывает романтическое понимание мифа с более широкими траекториями европейской культуры XIX–XXI вв., вплоть до новых форм символического мышления в современной массовой культуре (р. 214).

Монография производит весьма сильное впечатление. К числу ее несомненных достоинств следует отнести системность, междисциплинарность и высокий уровень концептуальной аргументации. Уэр демонстрирует блестящее знание первоисточников, уверенно работает на стыке философии и литературы и избегает как узкофилологического, так и отвлеченно-спекулятивного прочтения романтизма. Особенно ценен сравнительный ракурс: немецкая и английская традиции рассмотрены не изолированно, а как варианты общего интеллектуального поиска, в центре которого находится проблема новой мифологии. Благодаря этому книга позволяет точнее описать эпистемологический статус мифа в романтизме и убедительно опровергает упрощенный взгляд, согласно которому обращение к мифу было лишь бегством в иррациональное. Важным достоинством работы является и то, что автор удерживает равновесие между историко-философской реконструкцией и интерпретацией художественных текстов.

Вместе с тем отдельные моменты исследования могут стать предметом дискуссии. Прежде всего, корпус рассматриваемых авторов остается избирательным: например, за рамками анализа почти полностью остаются Вордсворт и Байрон, хотя их творчество также существенно для истории романтического взаимодействия с мифом. Кроме того, некоторое сближение весьма разных мировоззренческих позиций – от Колриджа до Шелли – под общим знаменателем «мифологии романтизма» может показаться чрезмерно обобщающим. Наконец, стремление автора реабилитировать романтический проект от упреков в утопизме местами приводит к сглаживанию его внутренних противоречий и исторических неудач. Однако эти замечания не умаляют научной значимости книги, а напротив, подчеркивают масштаб поставленной задачи и продуктивность предложенной интерпретации.

В целом монография Оуэна Уэра представляет собой оригинальное и содержательно насыщенное исследование, в котором романтизм интерпретируется как эпоха интенсивного философско-поэтического поиска новых форм мифологического мышления. Автор убедительно показывает, что для романтиков мифология была не архаическим рудиментом, а ядром интеллектуального и художественного самоосмысления современности. Книга вносит заметный вклад в изучение философии и поэтики романтизма и, несомненно, будет полезна всем, кто занимается историей европейской мысли, литературой романтизма и проблемой мифа в культуре Нового времени.

Информация об авторах | Author information

RU

Беляев Дмитрий Анатольевич¹, д. филос. н., доц.

¹ Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского; Липецкий казачий институт технологий и управления (филиал)

Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет)

EN

Dmitry Anatolyevich Belyaev¹, Dr

¹ Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shan;

Lipetsk Cossack Institute of Technology and Management (branch) of the Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University)

¹ dm.a.belyaev@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.02.2026; опубликовано online (published online): 01.04.2026.

Ключевые слова (keywords): мифология в романтической философии; мифология в романтической литературе; немецкий романтизм; английский романтизм; идея «новой мифологии»; mythology in Romantic philosophy; mythology in Romantic literature; German Romanticism; English Romanticism; idea of a “new mythology”.